

Г. Любарский

Бей профессоров!

...или Демократия против эффективности

В обществе регулярно возникают схожие ситуации. Вот какие-то профессионалы предлагают проложить нефтепровод по берегу озера. Общество протестует, организует митинги, кампанию в прессе; назначаются разные комиссии, и после долгого противостояния ситуация получает то или иное разрешение – профессиональное или требуемое общественностью. А часто – промежуточное.

Вот идет суд. Профессионалы-юристы разбирают дело по ведомым им правилам и законам. Одни обвиняют, другие защищают... Судьи-профессионалы решают, какое наказание в случае виновности будет нести подсудимый. Однако в суде присяжных вопрос о вине подсудимого решают присяжные – случайно выбранные непрофессионалы.

Вот школа, частная школа. Профессионалы-учителя воспитывают и учат детей, в соответствии с отработанными методиками предлагают им знания, специально препарированные для лучшего восприятия. И иногда рядом есть родительский совет, который может оказывать влияние на то, что делается в школе, иногда даже ратовать за исключение из программы какого-то предмета. А у многих школ нет родительских советов или они не наделены подобными правами. Это хорошо? Должны ли родители контролировать профессиональных учителей? А присяжные – юристов? “Зеленые” – нефтяников?

Простые люди должны контролировать политические решения? Да, конечно. А экономиче-

ские? Вроде бы глупо – люди голосуют за то или иное экономическое решение деньгами, иной контроль неуместен. Нужен ли общественный комитет с правом принятия решения или правом вето, наблюдающий за работой АЭС? А армия? Сколько там профессионалов... Должны ли простые люди принимать участие в принятии решений? И каких? Как следует учить солдат? Как воевать? В каких ситуациях воевать? При штабе дивизии нет “комитета простых людей”, наделенных правом наложить вето на те или иные решения, – а надо? Нет? Но участвовать в решении вопроса, какая стране нужна армия, простые люди могут. Это нужно? Обязательно? Ну что ж, значит здесь – обязательно, в другой ситуации – желательно, а где-то – ни в коем случае. Так как и в каких сферах простые люди должны участвовать в принятии решений профессионалами?

Осмотревшись, обнаружим, что имеется несколько способов контроля граждан за деятельностью профессионалов. Удивительно, но каждый способ используется преимущественно в своей узкой сфере – и обычно люди не сознают, что это не отдельный социальный институт, а вариант решения одной общей задачи. Возможно, стоит сравнить принятые в обществе способы решения задач – вдруг не все они оптимальны? Может быть, один способ лучше другого? Посмотрим на три самых известных механизма контроля, каждый из которых реально функционирует в своей сфере, в то время как в соседней сфере утверждается его принципиальная ошибочность.

Аргументы сторон: суд присяжных

Какие же аргументы можно выдвинуть против ведения дел специально для этого созданными профессиональными институтами? Возьмем, например, суд присяжных. Зачем, собственно, нужны эти присяжные? Какие у них преимущества? Из-за присяжных возникают многие неудобства. Они непрофессионалы, по их милости суд превращается в говорильню, направленную на затуманивание мозгов простым людям. У судей присутствуют те же чувства, что у присяжных, – ведь судьи тоже “обычные люди”, и здравого смысла у них не меньше. Суд коллегиален – так что число присяжных тоже не является принципиальным преимуществом. Почему не заменить присяжных на такое же количество судей

или юристов (между тем юристы по закону не могут быть присяжными)? Это было бы очень полезно – подготовленные профессионалы гораздо быстрее и лучше поймут суть дела. И вообще присяжные неэффективны – они плохо разбираются в законах, в сложностях обстоятельств.

И вопрос о фактах, который традиционно относят к компетенции присяжных, вовсе не прост – в сложной социальной действительности и факты непросты. Например, если дело относится к категории гражданского суда – что смогут люди без юридического образования понять в хитросплетениях договоров, доверенностей и т. д.? Ведь эти схемы и юристам не всегда ясны с первого взгляда. Уже простое разъяснение и перевод этих обстоятельств на обыденный язык вносит немалые искажения: ну нельзя результаты высшей математики объяснить на пальцах – это получается только с утратой смысла самих утверждений, фактов. А уж “заговорить” коллегия судей адвокатам много труднее, чем присяжным.

Подкуп? Ну, никто не безгрешен, однако именно по этой причине вряд ли можно настаивать на преимуществах присяжных.

Особенно сильно сказываются на присяжных общественные предрассудки. И наше общество, и его законы настолько сложны, что часто контринтуитивны. Присяжным свойственно подпадать под власть “естественных аргументов” и заступаться за “слабых”: за бедных, женщин, людей одной с ними, присяжными, угнетаемой национальности – и, напротив, не оказывать ни малейшего снисхождения, вплоть до несправедливости, если в руки суда попадает некто властный, которому наконец можно воздать по всей строгости, и даже больше...

Оставим в стороне аргументы “от истории”, которыми обычно изобилует такой спор, – они

не имеют прямого отношения к сути дела. Пусть кто-то доказывает, что суд присяжных – древнейшее демократическое учреждение и возник как оплот народовластия, а кто-то вспомнит, что это – творение короля, стремившегося вырвать судопроизводство из рук местных властителей. Теперь это уже неважно – мы говорим о реальном институте.

Рассуждениям о непригодности суда присяжных возража-

ют очень резко. Можно долго спорить, насколько эффективны присяжные. От них ведь не требуется знание законов – они решают вопрос о фактах, о том, совершал или не совершал подсудимый данное действие, – и выносят решение о его виновности или невиновности. Но главное не в этом. Главным аргументом в пользу суда присяжных считается аргумент “от демократии”: люди должны держать под контролем столь важную власть, которая может лишить их свободы. Без присяжных суды становятся просто одной из корпораций, относящихся к государству. Государству становится удобнее давить на судейских чиновников, объясняя им правильность тех или иных мер. Присяжные создают фактор случайности – люди “с улицы”, набираемые от-

дельно для каждого процесса, не позволяют никому контролировать суд. Присяжные – это представители простых людей в хитросплетениях власти, “наши люди”.

Хорошо. Давайте пока примем, что без присяжных и суд – не суд. Тогда хочется знать: только так можно? Случайные люди с улицы? А профи здесь неуместны?

Почему “присяжных” нет в медицине?

Это очень общая проблема: как профессиональное знание соотносится с решениями непрофессионалов, простых людей. Способы проявления этой проблемы в нашей жизни неисчислимы. Скажем, медицина: множество профессионалов, которые (потенциально) имеют очень большую власть. Надо ли их контролировать простым людям? Или это происходит само собой: никто не заставляет пациента лечиться, “простой” пациент, выслушав врача, сам решает, что делать. То есть, как и в случае с экономикой, люди голосуют деньгами. Проблема решена? Может быть... Хотя, кажется, решение пациента очень сильно зависит от того, что скажет врач. Оно свободное, это решение, – но очень сильно зависимое.

Свобода и независимость – разные вещи. Заболевший человек, как правило, свободен в своем выборе – лечиться или не лечиться. Врач может предложить ему несколько способов лечения – и больной волен выбирать. Он может выбирать врача – пойти не к этому, а к тому, но он в чрезвычайной степени зависим от врача, эта зависимость обусловлена болезнью и незнанием. О том, какие у него есть варианты преодоления болезни, пациент узнает у доктора.

И удивительное дело – взаимодействие профессионалов и простых людей в медицине обставлено куда сложнее, чем просто отношения клиента и оплачиваемого профессионала. Многие считают, что сам факт платности услуг врача и свободного выбора пациентом способа лечения защищает данную сферу от злоупотреблений профессионалов. Грубо говоря, “присяжные” в медицине уже есть – это пациент (а также его родственники) и его деньги. Он сам решает, за что платить. Но интересно, что медицина предусматривает тем не менее множество “внутренних”

средств контроля за врачом – совершенно не полагаясь на голосование рублем.

Например, существует проблема эвтаназии людей, чья жизнь поддерживается лишь благодаря медицинскому вмешательству, и надежд на излечение не существует. Здесь решение принимают не только родственники пациента, исходя из заключения лечащего врача, – для этого собирается консилиум специалистов. Дело это долгое, врачи очень критично проверяют все аргументы, прежде чем согласятся поставить свою подпись под таким решением.

Или, скажем, добровольное участие в медицинских экспериментах. В. Вересаев в “Записках врача” обратил внимание на то, что интерес пациента и врача, состоящий в излечении, может вступать в противоречие с исследовательским интересом врача-экспериментатора; он сомневался в возможности внутрикорпоративного урегулирования этого конфликта и предлагал привлекать общественность к защите пациентов, участвующих в медицинских опытах. И сейчас продолжают формироваться общественные институты, решающие эту проблему.

Спорящие о суде уходят в историю Средних веков, в давние времена, когда складывался суд присяжных. А в медицине основные институты создаются в XX веке – это совсем недавняя история. В 1963 году Британская медицинская ассоциация объявила об ответственности врача за проведение эксперимента и регламентировала его действия в отношении больного; в 1964 году принята Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) “Рекомендации для врачей, участвующих в биомедицинских исследованиях на людях”, последняя ее редакция датируется 2000 годом.

Кроме того, действует еще и Комитет по этике. Это специальный независимый общественный институт, созданный в соответствии с правилами Качественной клинической практики (Good Clinical Practice – GCP). Деятельность Комитета регламентируется различными нормативными и государственными актами в странах Европейского сообщества и США. В 1974 году американский Department of Health and Human Services принял “Общее правило” (“Common

Rule”), согласно которому все исследователи должны получать одобрение КЭ (в США они называются Институтскими наблюдательными советами – Institutional Review Board / IRB, аналог КЭ) для каждого исследования с участием человека в качестве объекта. В настоящее время ни одна официальная инстанция США, Западной Европы и Японии, дающая разрешение на медицинское использование нового препарата, не принимает к рассмотрению результаты исследования, проведенного без санкции КЭ. В России Комитет по биомедицинской этике создан в 1998 году.

Комитет по этике состоит не из случайно выбранных “простых людей”, а из экспертов – медиков разных областей, и существует он в качестве общественного объединения без образования юридического лица. Основное требование к нему – независимость от заказчика, то есть отсутствие заинтересованности в конкретном исследовании (испытании). Цель создания КЭ – обеспечение независимой экспертизы, консультирование и принятие решений по вопросам этики касательно биомедицинских исследований, предусматривающих участие людей.

В состав КЭ входит от 5 до 15 человек – в зависимости от реального объема этической экспертизы. Члены Комитета должны представлять различные области знаний, для того чтобы обеспечить полное и адекватное рассмотрение исследований, обычно проводимых в данном учреждении. В КЭ должен входить по крайней мере один специалист в области медицины, один специалист, основной сферой деятельности которого не является наука, и один – не сотрудник данного учреждения.

Это лишь немногие примеры. По различным проблемам в медицине существуют такие вот бюрократические институты – с уставами, правилами поведения, которые предписывают, утверждают, запрещают... Конечно, свободный выбор пациента значит очень много, но следует обеспечить ему достаточную информированность, и для этого мало “объективно ознакомить” человека с состоянием его здоровья – надо убедиться, что он понял, что происходит и что можно предпринять.

А “простые люди” в этой процедуре не участвуют. Считается, что решаются слишком сложные

профессиональные вопросы, чтобы доверять их людям, не получившим специального образования. И нет разговора о том, чтобы доверить “вопросы о фактах” “медицинским присяжным”...

Заинтересованность профессионалов

Итак, решение об эвтаназии принимает особая комиссия профессионалов, учитывая желание родственников и положение больного. А эти профессионалы не могут быть в стоворе? Ну, скажем, они заинтересованы в наличии свободных мест в больнице. Кроме того, комиссию экспертов можно купить или запугать. Разве нет? Однако такие экспертные социальные институты действуют – и на практике оказывается, что они крайне осторожны в решении вопросов об эвтаназии, о проведении экспериментов на людях и очень неохотно дают соответствующие разрешения.

То есть в деле охраны интересов частного лица (пациента) группа профессионалов ничуть не хуже простых людей? Важно лишь, чтобы привлекались профессионалы, не связанные с данным делом. В комиссии, решающие вопрос об эвтаназии или допустимости медицинского эксперимента, привлекаются специалисты из самых разных учреждений. И они друг другу поверхностно-го суждения не спускают.

А почему в суде присяжных нужны именно случайно выбранные люди? Почему консилиум врачей может принимать такие важные решения, а коллегия адвокатов не годится в качестве контрольного органа правосудия? Почему в суде присяжных вопрос о вине выносят непрофессионалы и нет консилиума сторонних специалистов, которые выполняют те же функции, но на более высоком уровне осмысления? Почему считается, что у специалистов обязательно наличествуют корпоративные интересы и им нельзя доверять?

Аргумент о заинтересованности корпорации профессионалов имеет и еще одну сторону. Предполагается, что “простой человек” будет контролировать корпорацию, например – судейских. Однако тут есть одна хитрость: давно уже существуют отлаженные технологии организации “народных движений”, и за каждым крупным движением – протестующим или защитным – стоят корпорации. И получается неприятность:

провозглашается, что идет сражение между “простыми людьми” и некой корпорацией, а на деле – битва двух корпораций, одна из которых сочла тактически более правильным использовать институты гражданского общества.

Получается взаимодействие манипуляций. “Простые люди” (некий мифический конструкт, который очень громко объявляет о своей незаинтересованности и моральной честности, апеллирует к “уму народа” и пр.) оказываются лишь объектом многослойных манипуляций. Практически любое решение и оттенок решения означены множеством корыстных интересов. Бескорыстного решения не существует – и многочисленные группы давления работают таким образом, что любое движение “простых” служит чьей-то пользе. Отсюда вырастает фигура политтехнолога – того менеджера, который умеет работать с “простыми людьми”, направляя их в нужное русло.

В результате вся структура аргументации за непрофессионалов против профессионалов – рушится. Сражаются профессионалы разной специализации: одни умеют делать данное конкретное дело

(например, юристы, или геологи, или врачи, или учителя), а другие умеют организовывать демократические институты нужным заказчику образом. И вырастают особые бизнес-индустрии: “свободы слова”, “авторского права”, “сексуальных домогательств” и проч.

Так что аргумент “от простого человека” следует использовать осторожно. К суду присяжных это вроде бы не относится – там же не “народный фронт”, а случайно взятые с улицы... Хотя при разборе сколько-нибудь громкого судебного дела вся условность этого аргумента вновь всплывает наружу. Отгородиться от медиа невозможно, и присяжные – в составе всего прочего населения – подвергаются еще до выдвижения их на эту роль массированным информационным атакам.

В общем, для разных общественных институтов принимаются разные типы контролирующих устройств. Видимо, здесь какое-то противоречие, какой-то подспудный баланс, который решается в зависимости от конкретных условий сдвигом в ту или иную сторону.

“Демократия” против эффективности

В ходе обсуждения проблем, возникающих при столкновении профессионалов и “простых граждан”, разговор получает множество разветвлений, звучит множество суждений, вариантов решения вопроса. Попробуем уловить суть рассуждений представителей той или иной точки зрения; чего они больше всего опасаются?

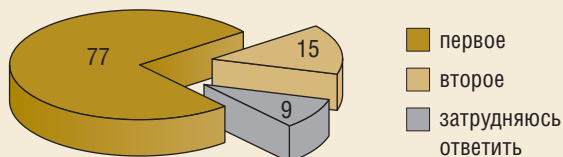
Сторонники принятия решений профессионалами боятся неэффективности и ошибок: непрофессионалы, полагают они, на-

ломают дров, не справятся с управлением. Выражается также недовольство по поводу “недоиспользования” профессионалов: вместо того чтобы “делать дело”, они вынуждены тратить силы и время на объяснение азов своих знаний неподготовленным людям – сознавая, что объяс-

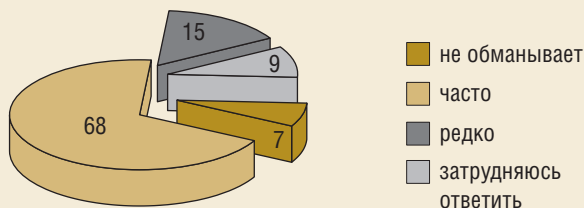
нить этого нельзя. Значит, профессионалы должны будут этим неграмотным “контролерам от народа” врать, льстить, уговаривать их. Вместо того чтобы уверенно и честно делать то, что они умеют, им придется устраивать театр для профан-зрителя. Ну хорошо, артист или скрипач – ему положено иметь дело со зрителем, но почему нефтяник или юрист должен выступать клоуном перед скептически настроенной толпой обывателей? Заниматься демагогией, убеждая незваных начальников в том, что вообще-то надо не на веру принимать, а просто знать. Брать годами учения... Даже если принять, что за профи остается проведение операции, а “простые” лишь принимают решение, проводить ли ее, возможно ли такое разделение обязанностей? Можно ли решить, стоит

Одни считают, что любая власть обманывает людей, рядовых граждан. Другие считают, что бывает власть, которая людей не обманывает. Какое мнение – первое или второе – Вам ближе?

Как Вы полагаете, сегодняшняя власть в России обманывает или не обманывает людей, и если обманывает, то часто или редко?

Судя по данным общероссийского опроса населения от 15 марта 2003 года, немногие россияне верят в то, что власть бывает идеальной: только 15% респондентов полагают, что “бывает власть, которая людей не обманывает”, 77% же убеждены, что “любая власть обманывает людей, рядовых граждан”. При этом 68% утверждают, что сегодня в России власть обманывает людей часто, 15% — что это происходит редко, 7% — что власть россиян вообще не обманывает.

ли начинать дело, если “простые” не знают правил игры: каковы сопутствующие обстоятельства, как средства будут определять цель, какие ограничения самим принятием решения накладываются на результат?

“Профи” недовольны неэффективностью деятельности в целом и растратой их усилий по непрофессиональным поводам. А как рассуждают “демократы”? Совсем иначе: возможен заговор профессионалов. Как? Зачем? А не знаю, но у них есть свои интересы. Раз они – профи, значит – у них корпорация. Их всех вместе можно чем-то заинтересовать. Они будут судить, исходя из своих групповых интересов, а не из интересов народа, отдельного частного лица. А ведь содержат их подчас на народные деньги, налоги. Так что опасения вызывает корпоративность. Корпорации могут продаться правительству... Да уже и давно все куплено... Это же естественно – так думать. Да и правительство – это такая корпорация чинов-

ников и политиков, они всегда найдут с другой корпорацией общий язык – против отдельного человека. И потому в суде присяжных главное – что это люди совершенно со стороны. Пусть они судят не всегда эффективно, пусть им дольше и труднее объяснять, чем профессионалам, – зато есть гарантия, что важнейшая судебная власть не уйдет под правительство, останется под прямым наблюдением и контролем граждан.

По поводу профессионализации решений, относящихся к частным лицам, выступают также и “либералы” – те, кто больше всего опасается государственного тоталитаризма, излишнего государственного влияния на частные дела граждан. Если для профи главная обида – *неэффективность*, то здесь основная проблема – *насилие*. “Либерал” идет на насилие, как кот на валерьянку. Из всего множества общественных проблем он выделяет насилие со стороны государства как главную и совершенно нестерпимую беду.

Выстраивается оппозиция: демократия против технической профессиональной эффективности. И важно понять: эти противоборствующие позиции – не противоположны. Люди высказываются за разные решения некоего вопроса на разных основаниях. Тем самым остается возможность совместить их ценности – в рамках одной системы. Каковы же эти основания?

Итак, одна точка зрения: современное общество сильно дифференцировано, делом должны заниматься профессионалы. Могут быть структуры, информирующие население об их деятельности, просвещающие, разъясняющие, – но “непрофессионалы” не должны прямо влиять на работу профессионалов, они только ухудшат ее. Аналог такого решения: научная и техническая деятельность.

Другая точка зрения: человек вправе сам решать свои проблемы, отвечать за свое будущее, – ни один профессионал не имеет права сделать это за него. И этот “простой человек” должен иметь способы влиять на касающиеся его решения профессионалов. Суд – лишь один пример, но и врачи, и учителя, и чиновники правительства, и прочие специалисты, занимаясь делами простых граждан, должны находиться под контролем этих граждан.

Легко увидеть, что необязательно идти на конфронтацию – позиции можно развести. Раз-

деляющие первую точку зрения хотят лишь эффективности работы – чтобы не мешали делать дело, у них нет принципиальных возражений против контроля “простых людей”. Приверженцы второй точки зрения не собираются работать вместо профессионалов – они хотят только контролировать их. Значит, вопрос (по крайней мере, с виду) технический: какими должны быть социальные институты, чтобы они не мешали профессионалам работать и позволяли простым людям контролировать профессионалов. К сожалению, обычно споры идут “на выбывание”, хотя эти позиции – по сути дополняющие друг друга и вполне совместимые.

Получается, что дело за техническим решением: как одновременно сохранить и эффективность, и гласность, неподконтрольность центральным органам власти того или иного общественного института. В каждом случае между противоречивыми требованиями гарантии демократии / эффективного управления отыскивается компромисс – решения не слишком неэффективные, и при этом доступные контролю отдельных граждан.

Тогда суд присяжных – это не “принцип” такой, а вариант технического решения. Профессионалы делают многое, но не все – часть процедуры, и очень важная, отдана в руки граждан. Тем самым спор должен быть перенесен из плоскости взаимно противоположных утверждений в плоскость обсуждения социотехнических улучшений. Недостаточно эффективно? – А что предлагается? Как можно улучшить? – Недостаточно гласно? – А как можно учитывать волеизъявление граждан, не теряя эффективности?

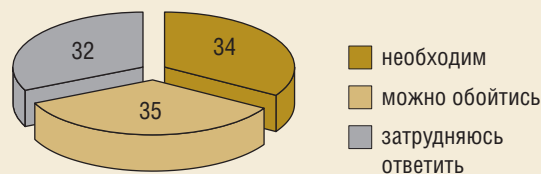
Сталкиваясь с судебной системой, мы очень дорого платим. Деньгами, временем, нервами – а иногда и большим. Приятно знать хотя бы, за что мы платим, если уж не получается не платить. А платим мы за гарантию разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Ведь судопроизводство было бы гораздо проще, если бы законы вырабатывали только профессиональные юристы. Тогда мы имели бы единое, согласованное законодательство с гораздо меньшим, чем сейчас, количеством противоречий.

Мы платим также за распределенность законов. Чтобы сделать единую законодательную систему, без всяких подзаконных актов, которые плодятся в министерствах и ведомствах, надо пойти на упрощение законов (это всегда ведет к увеличению доли несправедливости) и объединение их в единую систему. За единой системой всегда стоит какой-то один общественный институт... На таких словах сразу фиксируется внимание: один институт? Одна власть? И значит, мы опять должны платить за увеличение свободы – уменьшение эффективности.

Ведь сложность законов обеспечивается не только сложностью общества. На самом верхнем уровне тоже сидят непрофессионалы. Законы принимаются выборным законодательным органом, и Дума состоит не из профессионалов-юристов. Значит, принимаемые “наверху” “главные законы” будут не слишком “грамотными”, будут частично противоречить друг другу, они не подогнаны к конкретным ситуациям. И значит, они будут обрастать множеством подзаконных актов, которыми каждое ведомство стремится исправить недочеты “высоких законов”, и вся эта система будет не без взаимных противоречий.

Эта ситуация с не очень качественными и не слишком согласованными законами возникает не по глупости и злему умыслу. Это как раз следствие ограничения силы государства контролем со стороны “простых граждан”. Законы, принимаемые профессиональными юристами, были бы, возможно, более точно подогнаны друг к другу – и более эффективны. Однако в таком случае существует опасность сговора между огромной силой государства и мощной корпорацией

До 1905 года в России не было парламента. Все законы издавались лично царем или императором. Как Вы думаете, а в современной России парламент (Дума) необходим, или без парламента сегодня в России можно обойтись?

Опрос 15–16 октября 2002 года

юристов – против граждан. И вот самый верхний законодательный орган отдан непрофессионалам – снова *эффективность принесена в жертву демократии*.

Но конкретная форма этой “жертвы” может обсуждаться. Контроль общества за профессионалами может осуществляться теми же профессионалами – не профессиональными контролерами, то есть чиновниками, а специалистами в этой же сфере, различными комиссиями независимых экспертов. Суд присяжных – лишь одна из форм контроля “обычных людей” над социальными структурами, которая позволяет примириться со сложностью общества.

Общественный контроль над учителем

Есть еще одна область, где наблюдается конфликт между демократией и эффективностью, хоть и не столь очевидный. В школе тоже существует контроль над учителем со стороны непрофессионалов: школьных родительских комитетов. Их права разнятся не только от страны к стране, но и от школы к школе, но иногда этих прав очень много. Родители – это заинтересованные непрофессионалы, которые вмешиваются в педагогический

процесс и могут настаивать, чтобы их детей учили так, а не иначе, тому, а не другому.

Казалось бы, чем школа отличается от театра? Не нравится тебе исполнитель – уйди, если многие уйдут – он останется без зрителей и пусть себе выступает дома перед своей кошкой. Зачем здесь общественный контроль? Однако он существует и контролирует здравость действий учителя. Эффективная педагогика (ну, позволим себе эту улыбку) ограничена демократическим институтом... Платой за контроль родителей служат “обезьяньи процессы”, один из которых как раз только что едва не состоялся в России, но, даже не начавшись, вызвал большой шум.

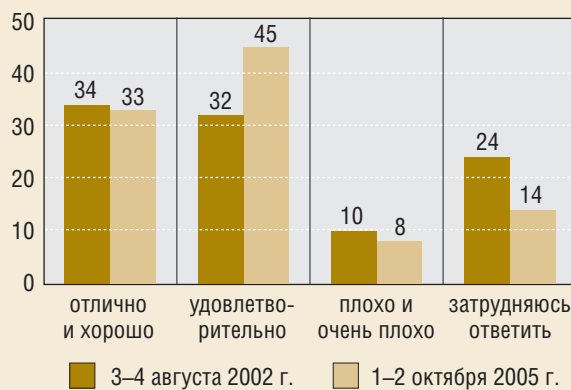
У ученых такие скандалы вызывают сильнейшее раздражение. В XXI веке – эти давно набившие оскомину высказывания против теории Дарвина, попытки изменить курс биологии в школе... Кошмар и мрак средневековья. Это мы платим за свободу. Свобода же – вовсе не безобидная штука. Мало ли чего человек хочет... Кто-то хочет, чтобы его детей учили не по Дарвину, кто-то – чтобы рассказывали о возникновении Земли с точки зрения Шестоднева.

И возможность таких процессов – вовсе не ужасное следствие “гнили в умах”, а как раз нормальная плата за понятную вещь: люди хотят контролировать те общественные институты, которые определяют их жизнь. Если они пытаются контролировать политику, суд – почему им нельзя контролировать образование?

Конечно, наука тем и отличается от иных сфер, что имеет объективное содержание. Тут, между прочим, интересный момент. Наука у нас – уже давно не только познавательный институт, а очень даже социально значимый, участвующий в экономике и идеологии. А люди хотят контролировать то, что вмешивается в их жизнь.

Как-то страшно, когда врач, учитель, городской архитектор или юрист в одиночку решает дела, которые нас лично касаются. Хотелось бы иметь возможность остановить его хотя бы в самых одиозных (с нашей точки зрения) случаях. Ну в самом деле – ведь не от обезьяны... Между прочим, это тот же самый аргумент “про суд присяжных”. Так кто будет решать, чему учить наших детей: мы или профессионалы некой корпора-

Как, по Вашему мнению, работают сегодня учителя, как они справляются со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

Каждый третий респондент (34%) считает, что учителя сегодня делают свое дело хорошо или отлично. Чаще других эту точку зрения разделяют люди в возрасте 18–35 лет. Еще треть опрошенных (32%) полагают, что учителя удовлетворительно справляются со своими обязанностями. Недовольны их работой только 10% участников опроса

ции? Хорошо, мы будем решать это совместно. Так каков же противовес мнению профессионалов в этой области?

Прежде всего это государственные учреждения, которые формулируют программы или экзаменационные требования. Наверное, стоило бы уменьшить зависимость обучения от государственных чиновников. Вопросы должны решать не чиновники, а сами учителя – то есть только те, кто в данное время реально работает с учениками. Однако пока что учителя взаимодействуют прежде всего с чиновниками, и кроме того – с организованными родителями (те самые родительские комитеты, о которых было упомянуто, иногда имеют довольно значительные права). Но в целом “социальных драк” по этому поводу меньше, чем по поводу суда присяжных и острых вопросов медицины.

Это странно. Мы рассмотрели вот уже третий способ решения проблемы контроля над профессионалами (случайный выбор контролеров с жесткой регламентацией их прав – у юристов; создание экспертной комиссии из сторонних профессионалов – у медиков; самоорганизация группы заинтересованных лиц – у учителей). Эти способы очевидным образом различаются по эффективности.

Видимо, контроль непрофессионалов можно отстаивать лишь в некоторых пределах. И тогда вопрос: а какими регулятивами определяются эти пределы? Есть ли вообще в нашем обществе какие-то правила, по которым в одних местах контроль непрофессионалов приветствуется, и мы платим эффективностью за демократию, а в других местах вопрос решается в пользу эффективности? Кто решает такие вопросы?..

В сфере образования мы вплотную сталкиваемся еще с одним противоречием взаимодействия профессионалов и неспециалистов, “простых людей”. Это – вопрос понятности. Тонкости судебного разбирательства не целиком находятся в ведении присяжных, они решают только вопрос о вине. Медики объясняют пациенту результаты – однако детали медицинского исследования могут оставаться ему непонятными. А вот взаимодействие учителя с учениками целиком на поверхности – ученики (в идеале) должны пони-

мать, чему их учат, и родители также хотят это знать. Более того, у многих родителей есть свои представления о базовом образовании (вспомним “обезьяньи процессы”), и они уверены, что основы их мирозерцания должны преподаваться и в школе.

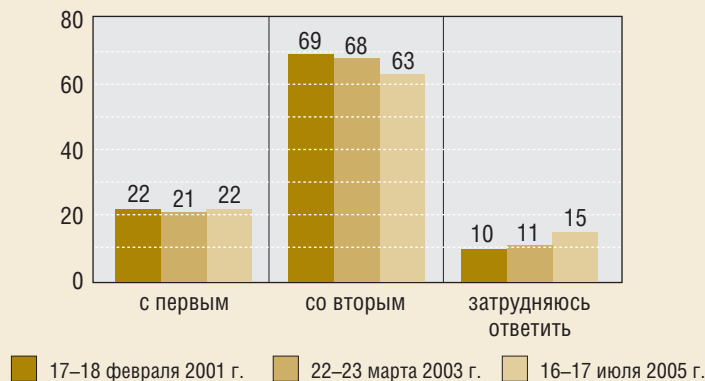
Справедливость должна быть понятной

Рассмотрим этот вопрос на примере суда. Обвиняемый (и его родные) должен понимать, за что его судят, на каком основании и почему именно так. Судьи, конечно, простые люди, но и математики – простые люди, однако “простой человек” ничего не поймет из разговора математиков. И тут у суда присяжных есть одно свойство, которого нет у суда профессионалов, у коллегиального профессионального суда: он понятнее.

На это можно возразить, что присяжные тут ничего не могут изменить. Атмосфера судопроизводства оказывает на попавшего в переплет судебного действия совершенно кафкианское впечатление, люди просто теряются... Тут уж ничего не сделаешь – можно учиться юридической грамоте, можно стараться реформировать суды (ну, это вряд ли...), но понятности присяжные не добавляют. Большая часть осужденных считают свои приговоры несправедливыми, это известный факт. Как ни пытайся объяснять, все равно человек склонен расценивать решение суда как неверное.

Но все же кажется, что если адвокаты будут “понятно” излагать дело присяжным, оно станет понятнее и обвиняемому. Ведь крайне неприятной является ситуация, когда “они там почикали

Одни считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что относятся к законам неуважительно. Другие считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что вынуждены это делать. С каким мнением — первым или вторым — Вы согласны?

о чем-то своем, а я огреб пятерку”. И суд присяжных является не абсолютным, но действенным средством от этой опасности.

Очень соблазнительно усилить аргумент понятности. Имеется некоторое количество пословиц и афоризмов, относящихся к самой интеллектуально сложной области – науке. Резерфорд как-то сказал: “Если ученый не может доступно объяснить, чем он занимается, своему уборщику в лаборатории, то он наверняка сам этого не знает”. Почему бы юристам не перестать притворяться, сбросить маску сверхсложности? Юриспруденция – наука, вряд ли она настолько сложнее физики, что к ней неприменимы требования простоты и понятности. Так пусть юристы не запутывают законы, излагают суть дела простым языком – и присяжные как раз и являются тем институтом, который принуждает их к этому.

Однако столь сильный аргумент будет уже подменой. Одно дело – упростить сложное и суметь просто объяснить полученный результат, другое дело – просто вести само исследование. Даже простота при объяснении результата связана с искажениями – физики потратили массу усилий, чтобы сделать понятными основы теории относительности или квантовой механики, есть книги по теории суперструн, претендующие на популярность, – однако это лишь метафоры. Уче-

ный может подобрать ряд метафор и примеров, указывающих на то, как обстоят дела в некой области знания, – но считать это за адекватное описание самой области нельзя. Так и в юриспруденции – готовое судебное решение можно изложить понятно (иногда при этом упрощая суть дела для краткости и понятности), но само судебное расследование не является простым и общепонятным, и законодательство не является простой системой.

Но тут возникает вопрос: как же тогда простому гражданину соблюдать законы, которые он не способен понять? Значит, законы следует упростить ровно до такого уровня, чтобы их мог понять каждый гражданин. Так получается?

Однако и эта мысль при последовательном проведении упирается в парадоксы. Законы регулируют жизнь общества. Простые законы возможны лишь в просто устроенном обществе. Богатое, большое, сложное и дифференцированное общество поневоле имеет сложные законы. В конце концов, законы есть правила функционирования социальных институтов. Если институты сложны – сложны и законы. Упрощая законы, мы ничего не меняем “в реальности”, мы лишь добиваемся рассогласования реального функционирования общества и юридических норм, порождая вторичные, теневые институты.

Упрощая законы, мы нарушаем принципы справедливости. В самом деле, нет ничего проще, чем назначить одну кару за воровство – и в любом случае отсекают вороватую руку. Но тогда равному наказанию подвергнутся очень разные преступления, от детских шалостей до финансовых махинаций, от программистских заморочек до покупки пиратского музыкального диска на рынке (у Вас лицензионный Windows? Вы за него платили? Ну, само собой). Именно справедливость приводит к тому, что с усложнением общества усложняются законы. Справедливо воздавать меру за меру, и в сложно устроенном обществе со множеством разных мер справедливость – сложна. При этом незнание закона не освобождает от ответственности...

Значит, попав в сферу действия закона, гражданин должен идти к специалисту – обращаться к адвокату. Самому ему почти невозможно

пробраться через судебную систему – надо иметь консультанта. А кроме того, надо быть грамотным: изучать законы общества, в котором живешь. Основы законодательства надо учить – так же, как учат основные законы природы. Это набор элементарных умений по выживанию в обществе.

Однако... И тут не без накладок. Знание основ не спасет – всегда может ускользнуть тонкость, от которой лично для тебя многое зависит, а обращаться к специалисту “уже поздно”: обращение происходит, когда гражданин где-то задел за веревочку и колокольчик

зазвенел – и тогда встает вопрос, как выпутаться малой кровью, а не как уйти невредимым. То есть получается, что невозможно гарантировать “непопадание” в конфликт с законом – можно лишь минимизировать последствия столкновения. В джунглях закона – опасно.

Как же быть? Видимо, нет абсолютно верного ответа, можно лишь искать удобные компромиссы. При этом нет гарантий, что наличное состояние компромисса – самое удобное. Институты общества можно перестраивать – важно лишь помнить, что эти конструкторские игры будут прямо отражаться на нашей жизни. Какая сторона этого баланса наиболее важна – решает конкретная ситуация. Сейчас, например, политическая и социальная активность в обществе довольно низка и продолжает падать. Значит, в этой мысли следует подчеркнуть: все рассмотренные примеры – это не законы природы и не панацеи. Это выработанные какими-то людьми подручные средства решения проблем. В медицине решилось (пока) вот так, в суде – иначе, в школе... ну, там, как всегда, ничего не решилось. И вполне может оказаться, что эти решения уже устарели, что требуется придумать другие социальные институты.

Доверие против контроля

Поскольку государство – не корпорация, то из него трудно уйти, и потому защита ставится прежде всего от государства. Сражение с корпорациями для индивида крайне трудно – но от корпорации можно бежать, и контролирующие демократические институты не занимаются корпорациями. Добавим толику сомнения: можно уехать и из государства, а корпорации стали сильнее – так ли уж верно сказанное выше? Сомнение это показывает, насколько старыми (и устаревшими) являются эти институты. Они создавались в другую

эпоху, для другого общества.

Новому обществу, возникшему за последние столетия и десятилетия, необходимо обращать больше внимания на здравоохранение, образование и т. д.

Но и старые проблемы защиты от государства никуда не делись. Люди-то не согласны вмешиваться в работу профессионалов... Правда, это нелегко заметить.

Вот пример: в 2000 году ФОМ провел экспертный опрос на тему, должна ли власть учитывать общественное мнение по ряду проблем – таких, как устройство власти, государственной безопасности, внешняя политика, экономика, воен-

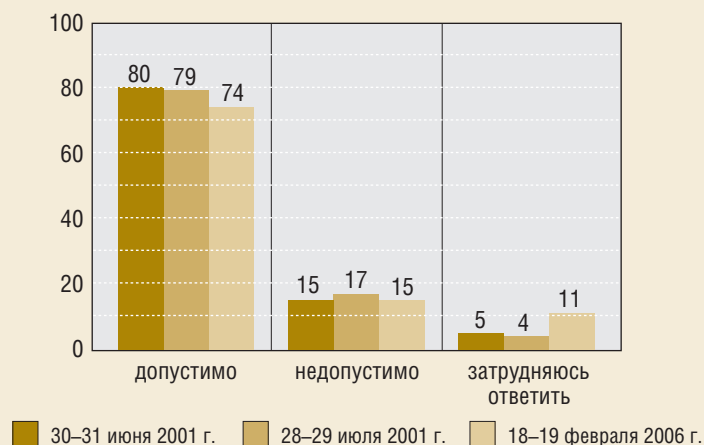
ные проблемы, энергетика, социальная сфера, СМИ, катастрофы.

Если спрашивать, должно ли государство учитывать общественное мнение, большинство ответит “да”. Но вот детали... Ответы экспертов различны, кто говорит – должно, кто – нет. Но у экспертного опроса есть преимущество: там люди приводят обоснования своего мнения. И вот оказывается, что мнимые противники почти во всем согласны.

На деле люди отвечали на два разных вопроса. Один: есть ли в данной проблемной области (экономика, госбезопасность и т. д.) “специаль-

По Вашему мнению, в принципе допустимо или недопустимо приговаривать преступников к смертной казни?

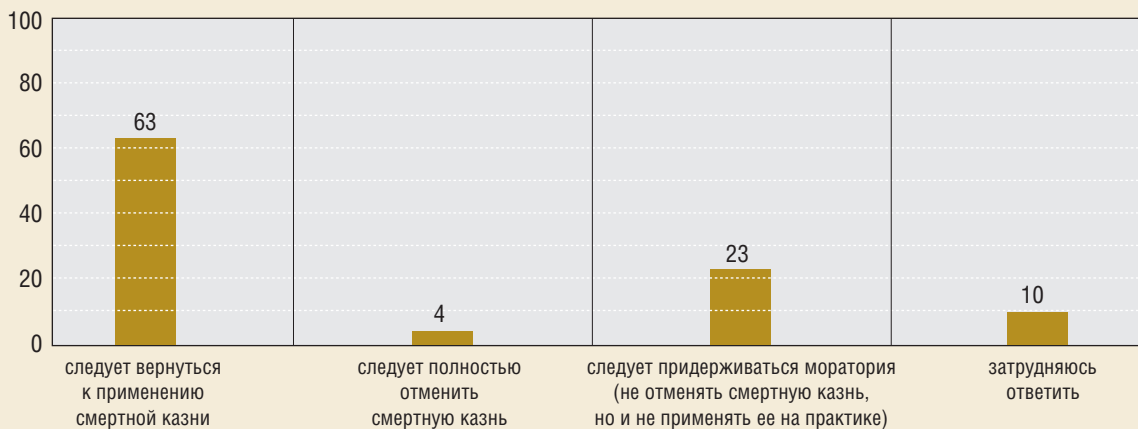
ные” проблемы, для решения которых надо обязательно обладать специальными знаниями? И второй вопрос: надо ли простым людям контролировать сферу, где есть специальные знания? Ответ на второй вопрос полностью зависел от первого. То есть почти все согласны: если для принятия решения надо использовать специальные знания, то никакую общественность к принятию таких решений нельзя подпускать на пушечный выстрел. А разногласия у экспертов были только по первому вопросу: ну, одни, скажем, считают, что

госбезопасность – дело ясное, и для принятия решений тут никаких особых знаний не надо, здравого смысла хватит. А другие: нет, шалишь, тут много вещей надо знать.

Есть и еще один разворот темы. Нарастающая сложность и дифференцированность общества должны восполняться сопоставимым усилением интеграции. Иначе общество развалится на кучу суверенизирующихся блоков – неважно, будет это происходить как встарь, по территориальному признаку, или блоки будут функционально означены – министерства станут Независимыми Корпорациями. В этической проекции это звучит как тема “*доверие против контроля*”: интеграция требует и того, и другого, и контролирующего наблюдения-и-вмешательства, и доверительного отношения. Но между собой эти меры конфликтуют.

С точки зрения социотехнической, возможны два варианта. Либо создается отдельный интегративный механизм (аналог: нервно-гуморальная система) общества, который и отвечает “за интеграцию”. Примерно понятно, чем это обернется при воплощении: некий институт контролеров от имени общества... В общем, можно не продолжать. Другой способ – новое выстраивание отношений между общественными сферами, при котором имеющиеся социальные блоки бу-

Как Вы думаете, сегодня России следует вернуться к применению смертной казни или полностью отменить смертную казнь? Или по-прежнему придерживаться моратория? (Карточка, один ответ.)

Опрос 18–19 февраля 2006 года

В российском обществе доминирует представление о смертной казни как о необходимой мере наказания, которую следует сохранять в законодательстве и применять на практике. Три четверти населения (74%) полагают вынесение смертных приговоров преступникам в принципе допустимым, 15% наших сограждан считают такую меру наказания недопустимой.

дут сильнее связаны друг с другом собственными потребностями, так что интеграция будет достигаться “стихийно”, за счет самого взаимодействия блоков.

Итак, какие существуют образцы социальных институтов, не мешающих профессионалам работать и позволяющих людям контролировать профессионалов? Как решается противоречие доверия и контроля? Компромиссные варианты: 1 – ассоциации экспертов (на государственной, партийной, общественной и корпоративной основе), 2 – СМИ, 3 – привлечение случайных “простых людей” – либо по выбору, либо благодаря собственной организации этих людей.

Мы видели примеры таких организаций – врачи больше полагаются, кажется, на группы экспертов; суд – на случайный выбор “простых людей”, в школьном образовании действуют “собранные заинтересованные” родители. Хотя переплетений здесь немерено – родственники пациентов участвуют в принятии решений в медицине, надо всем шумят медиа, освещающая и затемняя те или иные аспекты происходящего...

Иногда эти способы работают совместно, осуществляется рамочный контроль: организации общественности, ассоциации экспертов и медиа следят, насколько эффективно и осмысленно функционируют те или иные институты, собирают информацию о перекосах и об устранении наиболее очевидных нелепостей или наблюдают за особенно важными вещами: смертная казнь, клонирование человека и т. д. Если перекосов слишком много, то общество получает сигнал о необходимости пересмотреть принципы работы институтов.

Только сигнал – не прямое указание. Если “отдать” законы народу, вряд ли они будут гуманны. При массовом голосовании непрофессионалов принимаются не мягкие и сложные законы, а напротив – простые и жесткие, так как им не под силу разобраться в проблеме.

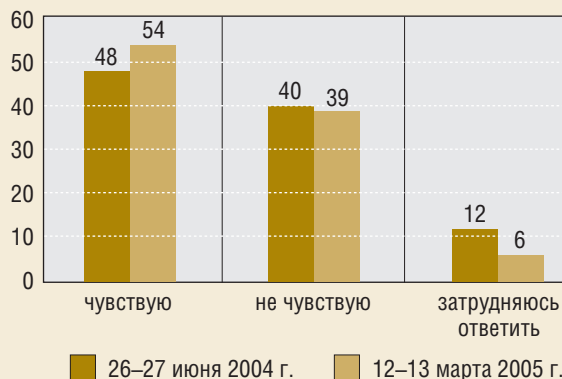
В российском обществе доминирует представление о смертной казни как о необходимой мере наказания, которую следует сохранять в законодательстве и применять на практике. Три четверти населения (74%) полагают вынесение

смертных приговоров преступникам в принципе допустимым, 15% наших сограждан считают такую меру наказания недопустимой.

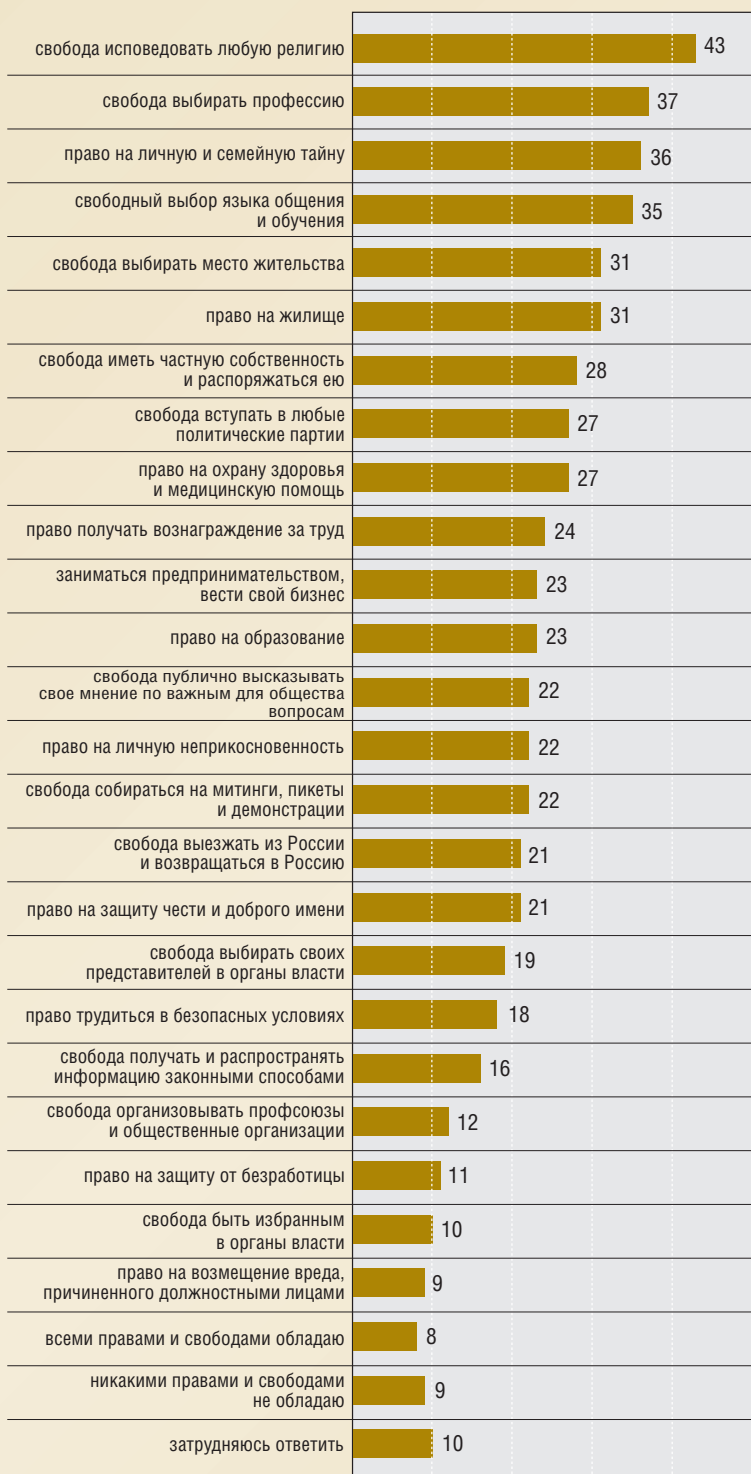
А дальше начинается самое интересное, что трудно ввести в какие-то рамки: социальное творчество. Если какой-то институт благодаря этим сигнальным нитям окружает звон тревожных колокольчиков – надо менять институт. Самое простое – копирование или отказ от копирования института. Есть суды присяжных и суды без присяжных, они разделяются по типам дел – скажем, суды присяжных могут вести только уголовные дела или также дела гражданского права. Можно вообще отменить суды присяжных или, напротив, расширить их компетенцию. А если нужен новый институт? Общество быстро развивается, и институты со столетней выдержкой необязательно могут удовлетворять все его потребности. Как создать такой институт?

Политическая система общества, состоящая из медиа и партий, как кажется, и должна служить этой цели. Из медиа звучат “сигналы”, и партийные организации выдвигают решения. Но этот механизм очень сильно зависит от умения договариваться и от количества активных людей, готовых участвовать в политической жизни. Как кажется, весь этот механизм в целом устарел – медиа являются далеко не только средством проведения сигналов, а политическая активность повсеместно снижается. Это, конечно, не случайно – но тут мы выходим на совсем отдельную и очень большую тему.

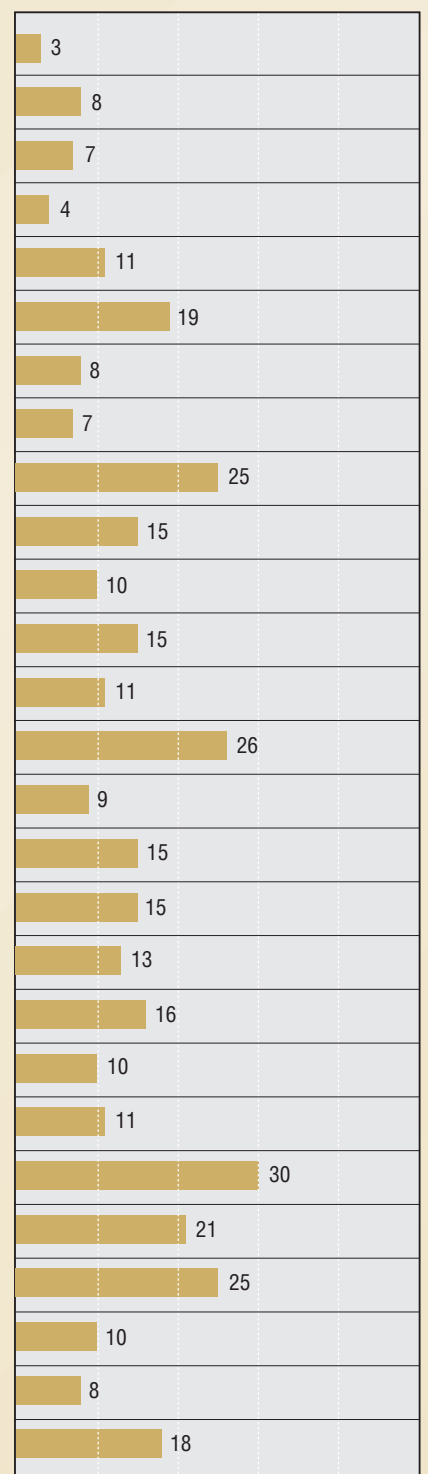
Если говорить о Вас лично, Вы чувствуете или не чувствуете себя свободным человеком?

По Вашему мнению, какими из прав и свобод, прописанных в Конституции нашей страны, Вы безусловно обладаете?
(Карточка. Любое число ответов)

А какими из прав и свобод, прописанных в Конституции нашей страны, Вы безусловно не обладаете?
(Карточка. Любое число ответов)

Опрос 19–20 марта 2005 года

Наиболее важными лично для себя россияне считают такие права и свободы, как право на охрану здоровья и медицинскую помощь (эту позицию из предложенного списка прав и свобод выбрали 49% опрошенных), право на личную неприкосновенность (43%) и на жилье (42%).

Какие из гарантированных российской Конституцией прав и свобод наиболее важны лично для Вас?

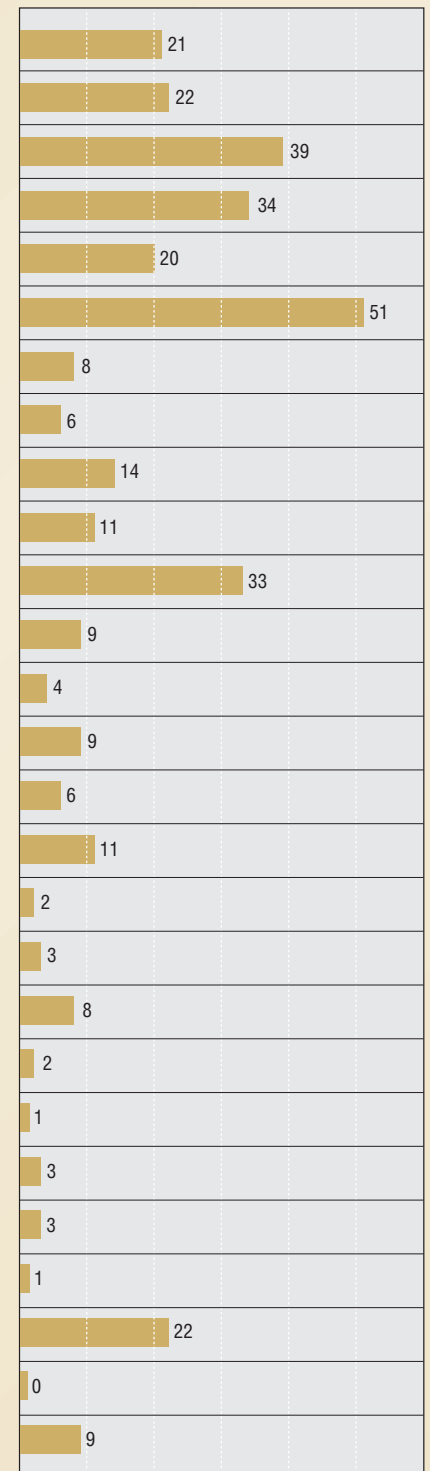
(Карточка. Не более пяти ответов)

Опрос 19—20 марта 2005 года

Какие из перечисленных прав и свобод, по Вашему мнению, наиболее важны для самореализации молодых россиян?

(Карточка. Не более пяти ответов)

Судя по данным опроса, россияне считают, что самыми важными для них правами и свободами они не обладают: каждый третий говорил, что не обладает правом на защиту от безработицы, каждый четвертый — правом на личную неприкосновенность и на охрану здоровья, каждый пятый — правом на жилище.

Мы добрались до самой всеобъемлющей системы. Не только конкретные устройства в институте суда, здравоохранении и т. п. являются временным компромиссом, осмысленную конкретную форму которого надо снова и снова вырабатывать, – вся медийно-политическая система, призванная как раз быть средством конструирования новых компромиссов, кажется, уже не справляется с задачей. Или кто-то еще верит, что можно провести здравую реформу в школе, начав с кампании в прессе и выйдя на политический уровень?

Общего ответа нет. Требования компромисса между демократией и эффективностью, эффек-

тивностью и понятностью приводят нас не к решению проблемы, а к общим условиям возможности такого решения: увеличению социальной интеграции и развитию общего языка, общей культуры и социальной активности... Мы вновь уткнулись в привычный тупик. Разве что... Можно обратить внимание на то, что из самых разных проблем – армии и суда, медицины и экономики – нити тянутся к совсем невидным проблемам культуры. Доверие между людьми, возможность договориться, общий уровень образования и т. п. – все это обычно объединяют понятием “культура”. Вот только как там работать, чтобы получалось, – пока не ясно. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

КАПИТАНЫ БИЗНЕСА: ИЗВЕСТНОСТЬ И РЕПУТАЦИЯ

В одном из опросов ФОМа выяснилось, кто из крупнейших отечественных промышленников и предпринимателей известен россиянам, а также к кому из них они относятся позитивно, а к кому – негативно. Для ответа на эти вопросы предлагалась карточка с фамилиями 33 людей, обладающих, по данным журнала “Forbes”, наибольшими состояниями в России. Впрочем, последнее обстоятельство респондентам не сообщалось: пытаюсь выяснить, как относятся граждане к конкретным “капитанам бизнеса”, было бы, по понятным причинам, неразумно акцентировать внимание опрошенных на их принадлежности к кругу сверхбогачей.

Судя по данным опроса, самая известная фигура в отечественном крупном бизнесе – Роман

Абрамович: 61% респондентов заявили, что его имя им знакомо. Наибольшей известностью этот предприниматель пользуется у людей с высшим образованием (85%) и жителей Москвы (84%), наименьшей – у людей с образованием ниже среднего (42%), низким уровнем дохода (44%) и сельских жителей (47%).

Другие представители финансово-промышленной элиты значительно уступают в известности губернатору Чукотки и владельцу футбольного клуба “Челси”. Так, Елену Батурину знают 23% опрошенных (в Москве – 64%), Владимира Потанина – 22%. Относительно высока известность Александра Лебедева (16%), Олега Дерипаски (13%) и Михаила Фридмана (11%). Далее следуют В. Алекперов (8%),

В. Вексельберг (7%), А. Абрамов (7%), В. Евтушенков (6%), В. Лисин (5%). Остальные российские промышленники и банкиры известны менее чем 5% россиян.

Общее отношение наших сограждан к крупнейшим промышленникам и банкирам страны можно охарактеризовать как индифферентное: к самому известному предпринимателю из предложенного списка Роману Абрамовичу “положительно, с доверием” относятся 4%, “отрицательно, с недоверием” – 9% респондентов. О своем доверии либо недоверии к какой-либо из иных перечисленных фигур заявляли не более 3% опрошенных. Правда, 17% респондентов сказали, что отрицательно относятся ко всем этим людям. Но практически столько же (18%) – сказали, что не относятся отрицательно ни к кому из них.

Общероссийский опрос населения 17–18 июня 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Ирина Шмерлина